

Мурзилка 1962/09

Детский журнал

УДК 82-1--053.2
ББК 84-5
М91

М91 Мурзилка 1962/09: Детский журнал / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-458-40917-9

Один из лучших детских журналов в СССР

ISBN 978-5-458-40917-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Палки, — говорю, — это хорошо, это просто замечательно! Из палок ведь можно сложить буквы. — Я подошёл к доске и написал букву «А». Печатную. — Это буква «А». Она из трёх палок. Буква-шалашик.

Вот уж никогда не думал, что буду учителем! Но надо было отвлечь её, чтобы не заплакала.

— А теперь, — говорю, — пойдём к твоему брату, и я ему всё объясню.

Мы вышли во двор и направились к её брату.

Шли, как маленькие, за руки. Она сунула мне свою ладошку в руку. Мягкая у неё ладошка, пальцы подушечками, и тёплая.

Вот, думаю, если кто-нибудь из ребят увидит, засмеют. Но не бросишь же её руку, человек ведь.

А этот важный Серёжка сидит и болтает ногами. Делает вид, что нас не видит.

— Слушай, — говорю, — старина. Как бы тебе это объяснить... Ну в общем, чтобы выучить всю азбуку, нужно учиться целый год. Это не такое лёгкое дело.

— Значит, не выучила? — Он вызывающе посмотрел на сестру. — Нечего было обещать.

— Мы писали палки весь день, — с отчаянием сказала девочка. — А из палок складываются буквы.

Но он не стал её слушать. Сполз со скамейки, сунул руки в карманы, низко опустил голову и поплёлся утиной походочкой.

Меня он вообще не замечал. И мне надоело: возись здесь, когда есть охота! Вечно я впутывался в чужие дела.

— Я выучила букву «А». Она пишется шалашиком! — крикнула девочка в спину брату.

Но он даже не оглянулся.

Тогда я догнал его.

— Слушай, — говорю, — ну чем она виновата? Наука — сложное дело. Пойдёшь в школу — сам узнаешь. Думаешь, Гагарин или Титов в один день всю азбуку одолели? Тоже, ой-ой, как попотели. А у тебя и руки опустились.

— Я весь день на память письмо маме сочинял, — сказал он.

У него было такое печальное лицо, и я

подумал, что зря его мама оставила одного. Раз собралась ехать в Сибирь, бери и детей с собой. Они не испугаются дальних расстояний или злых морозов.

— Подумаешь, беда, — говорю. — Я сегодня приду к вам после обеда и всё изобразу на бумаге под твою диктовку в лучшем виде.

— Вот хорошо! — сказала девочка. — Мы живём в этом доме за железной изгородью. Правда, Серёжа, хорошо?

— Ладно, — ответил Серёжа. — Я буду ждать.

Я видел, как они вошли во двор и их фигурки замелькали между железных прутьев забора и кустов зелени.

И тут я услышал громкий, ехидный такой мальчишеский голос:

— Серёжка, ну что, выучила твоя сестра все буквы?

Я видел, что Серёжа остановился, а сестра его вбежала в подъезд.

— Чтобы выучить азбуку, знаешь, сколько надо учиться? — сказал Серёжа. — Надо учиться целый год.

— Значит, плакали ваши письма, — сказал мальчишка. — И плакала ваша Сибирь.

— Ничего не плакала, — ответил Серёжа. — У меня есть друг, он уже давно учится не в первом классе, он сегодня придёт к нам и напишет письмо.

— Всё ты врёшь, — сказал мальчишка. — Ох, и здоров ты заливать! Ну, как зовут твоего друга, как?

Наступило молчание.

Ещё минута — и должен был раздаться победный, торжествующий возглас ехидного мальчишки, но я не позволил этому случиться.

Я влез на каменный фундамент забора и просунул голову между прутьев.

— Между прочим, его зовут Юркой, — сказал я.

У этого мальчишки от неожиданности открылся рот.

А Серёжа ничего не сказал. Он был не из тех, кто бьёт лежащих.

А я спрыгнул на землю и пошёл домой.

Не знаю почему, но настроение у меня было хорошее. Весело было на душе — и всё. Отличное было настроение. Даже петь хотелось.

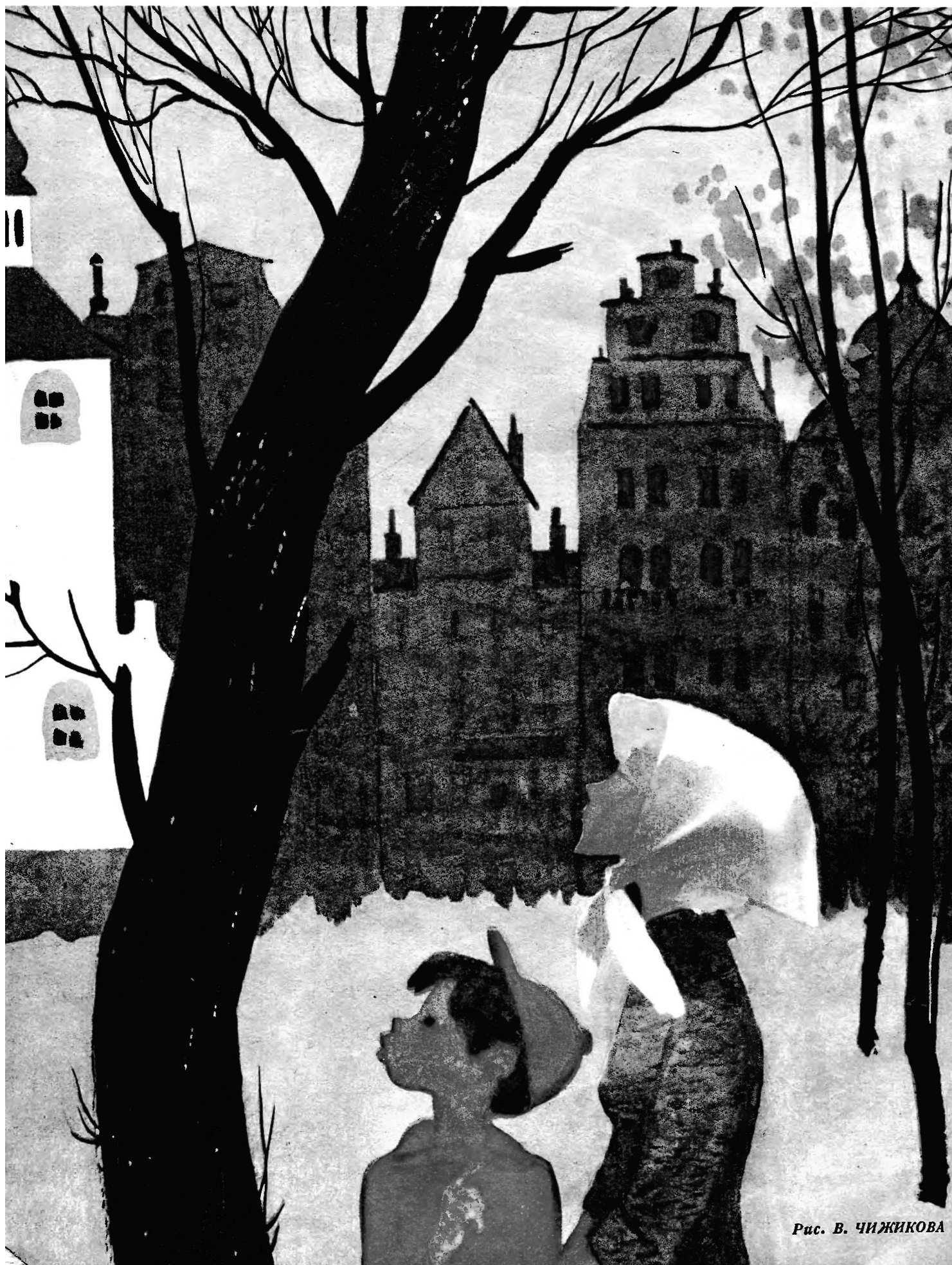

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Звенящее дерево

Елена КРИЖАНОВА

Перевод с чешского

У нас с Душаном есть дерево. Я говорю «у нас» не потому, что мы его вырастили. И всё же оно наше. Мы подружились с ним весной, когда ходили покупать тапочки.

Несём мы их домой в пакете и подходим к парку. За оградой всё зеленеет. Трава разукрасилась золотыми звёздочками одуванчиков. Цветут черешни. А мы ходим по парку и думаем об отметках, о замечаниях, которые записаны в дневник учительницей. И вдруг видим дерево. Высокое, могучее, но совсем голое.

— Как ты думаешь, — спрашивает Душан, — оно умерло?

— Вряд ли, — говорю я. — Отчего оно должно умереть?

— Но почему тогда на нём нет листьев, как на других деревьях? — говорит Душан.

— Опоздало, — говорю я. — Не успело, как другие, более прилежные деревья, распустили свои листья... Для него это, наверное, так же трудно, как для некоторых школьников чисто писать.

Душан взглянул на меня и покраснел. А потом рассмеялся:

— Может быть, оно потому и стоит, как отстающий школьник, — в углу. Дерево — отстающий школьник, второгодник! — и Душан опять засмеялся.

Мы подошли ближе к дереву. Оно не было совсем голым. На ветках набухали почки, а местами уже появились листочки — маленькие, перекрученные, совсем как буквы в тетрадках Душана.

— Второгодник-негодник! — насмехался Душан над деревом.

— Послушай, — сказала я Душану, — я, право, не уверена, можно ли так насмехаться.

Душан перестал смеяться и говорит:

— Как ты думаешь, догонит оно другие деревья или нет?

— Пожалуй. Если, конечно, постарается.

— Догоняет, догоняет! — закричал Душан через несколько дней. — Оно совсем зелёное.

— Какое оно красивое стало, мама! — сказал Душан ещё через несколько дней. — А сколько на нём птичек! Гораздо больше, чем на других деревьях. Я думаю, на нём есть гнездо.

Мы пошли взглянуть на дерево. Оно действительно стало очень красивым. Трудно было его в чём-нибудь упрекнуть: крона — как большой шатёр, листву колышет ветер, птицы щебечут. — Дерево-то гордится, — сказал Душан.

— Есть чем, — сказала я. — Оно стало молодцом.

Душан стал в раздумье кусать губы.

— Посмотри, — сказал он, когда мы вернулись домой, и показал мне свою тетрадь, —

четвёрка. Четвёрка по чистописанию. Ты думаешь, другие не стараются?

— Нет, не думаю, — ответила я. — Я вижу, что и другие по-настоящему стараются.

Время шло. Дерево в парке шумело, пело, разговаривало с ветром. Оно расцвело длинными кистями цветов. Листья на нём потемнели.

Мы часто сидели в парке, смотрели на дерево и думали: что нам делать? Нам было ясно, что дерево нас перегнало. Никто уже не мог сказать ему, что оно второгодник. А Душану...

— Признайся, мама, что писать всё же труднее, — говорил мне Душан, — дереву помогают солнце и дождь, оно посажено на хорошей земле, а я должен писать самостоятельно.

— Как так? — удивилась я. — Тебе Данка помогает. Любка помогает, мама помогает, учительница в школе учит.

Да, мы с Душаном очень отстали. Дневник наш не был таким, чтобы мы с гордостью могли сказать нашему дереву: «Посмотри, не только ты, но и мы...»

Окончились каникулы, подошла осень. Листья нашего дерева стали золотыми, потом покраснели и понемногу стали опадать.

— Оно совершенно голое, — сообщил мне однажды Душан. — Голое и безобразное.

Я знала, что Душан думал о дереве. Он думал: «Так ему и надо!»

Пришла зима. Нехорошая, городская, сырая зима с дождём, грязью и сажей. Ветер яростно бичевал голые ветви нашего дерева.

Душан мучился над домашними заданиями, выводил букву за буквой. Постепенно ему стало даваться чистописание. В дневнике и тетрадках всё чаще стали попадаться четвёрки.

— Вот, смотри! — встретил меня однажды Душан. — Пятёрка! Пятёрка по чистописанию. Круглая, как арбуз. — Лицо Душана сияло.

— Отлично, — сказала я. — Надо бы показать эту пятёрку нашему дереву.

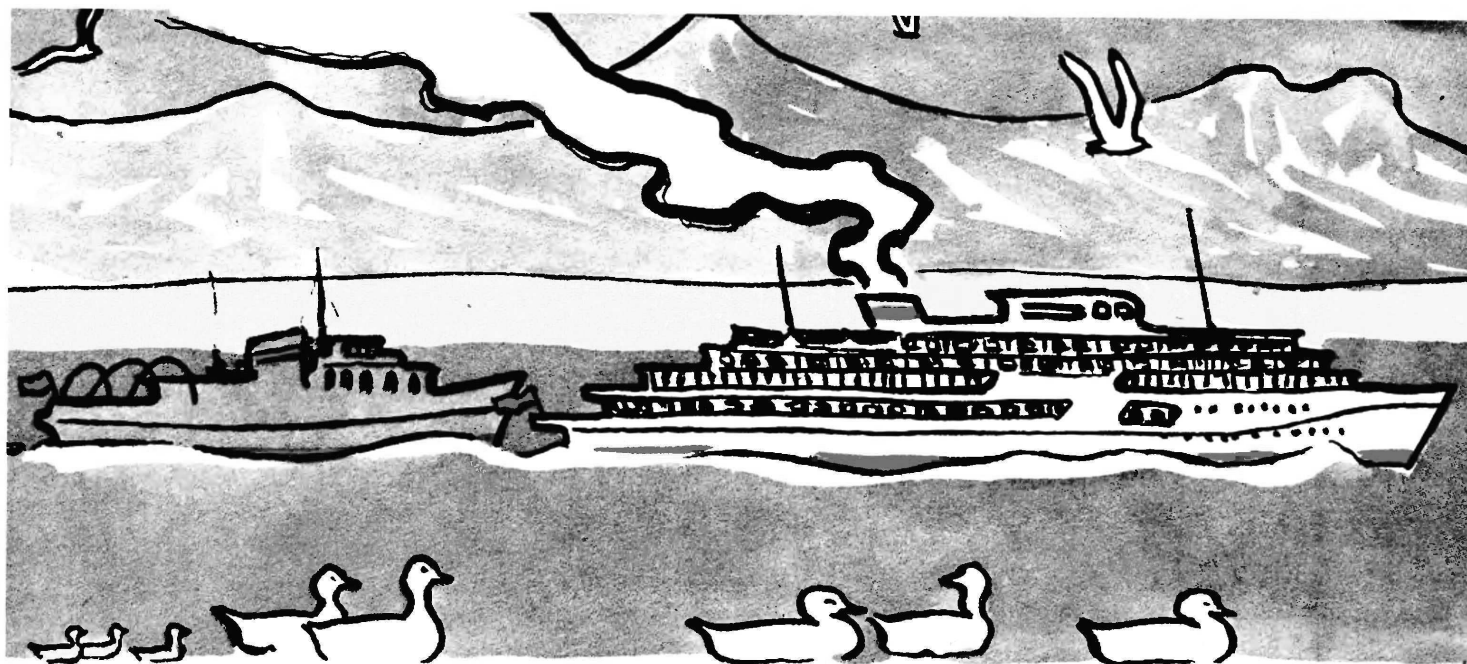
— До чего же оно... до чего же оно красивое! — удивлённо воскликнул Душан.

И действительно, дерево было великолепным. Каждая веточка на нём покрылась тонким ледяным налётом. Дерево стояло стеклянное сверху донизу. Оно ярко блестело в лучах зимнего солнца, переливаясь всеми цветами радуги. Казалось, оно нарочно надело этот красивый, праздничный наряд.

— Ты думаешь, что это для меня? — прошептал Душан. — Думаешь, что оно узнало, что оно могло узнать?

— А почему бы и нет? — сказала я. — Ведь оно же твой друг. Вы вместе старались, вместе боролись, и радуется оно вместе с тобой.

А дерево вдруг зашевелило ветвями и зазвенело — тонко и нежно. Оно звенело от радости.

Каюм **ТАНГРЫКУЛИЕВ**

Рис. **А. КОКОРИНА**

КАНАЛ ИДЁТ!

Словно бурная река,
Наш канал в пустыне
Разукрасил берега
Маками густыми.

Целый день гудки ревут,
И по жёлтым водам
Гуси-лебеди плывут
Рядом с теплоходом.

Говорит канал:
«Я рад
Напоить равнину,
Я отсюда, говорят,
К Ашхабаду двину».

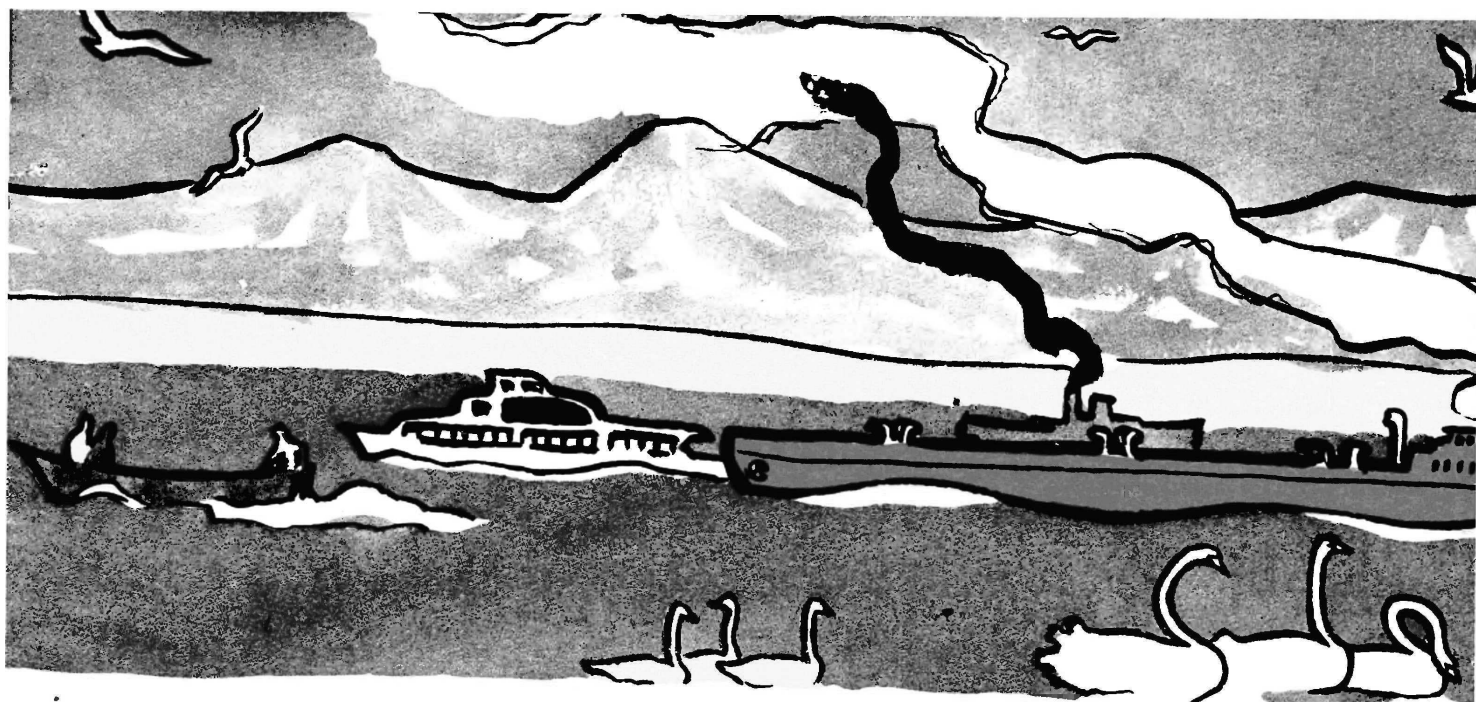
Пусть вода в пески идёт,
Точно в половодье.
Как коня, схватил народ
Воду за поводья.

ВТРОЁМ

Рано утром поднялись,
Быстро чаю напились
И отправились втроём
На холмы.
Там весной крутые склоны
Щавелёк покрыл зелёный,
Вот за ним-то и пошли
Мы.

Мы втроём
Вверх бредём —
Дружная семья:
Младший брат впереди,
Белый козлик позади,
Посерёдке я.

По тропинке узкой ввысь,
Наконец, мы взобрались,
Огляделись мы по сторонам.
Глядь, зелёная лужайка!
Нагибайся, собирай-ка,
Вот щавель, который нужен
Нам!

Мы втроём
Листья рвём —
Дружная семья:
Младший брат впереди,
Белый козлик позади,
Посерёдке я.

По лужайке разбрелись,
За работу принялись,
Рвали мы щавель целый час.
Я несу почти охапку,
Брат набрал большую шапку,
Только козлик отстаёт
От нас.

Мы втроём
Домой идём —
Дружная семья:
Младший брат впереди,
Сытый козлик позади,
Посерёдке я.

Наш приятель Иулмек

Очень странный человек
Наш приятель Иулмек!

Это он, Иулмек,
За углом хохочет.
Это он, Иулмек,
Нас поссорить хочет.

Рад он сделать петухами
Всех мальчишек, с кем знаком.
Маленьких столкнёт руками,
Тех, кто старше, — языком:

— Ты, Байрам, слабей Ораза,
Потому что, если б мог,
Ты Ораза сшиб бы сразу,
Сбил бы ты Ораза с ног.

И опять Иулмек
За углом хохочет.
И опять Иулмек
Новой драки хочет.

Никудышный человек
Наш приятель Иулмек!

Перевёл с туркменского
Я. АКИМ

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Сергей АЛЕКСЕЕВ

утузов читал письмо:
«Милостивый государь,
батюшка Михаил Илларионович!»

Письмо было от старого друга, генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писал он письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе приграть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодёжь не та уже нынче. Всё ищут, где бы теплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным, Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл. Смотрит Кутузов: стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка.

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимыча — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваше сиятельство!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнёт благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость... — опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка, какой прилипчивый».

— Ну, что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы

в полк... Мне бы в действующую армию, — пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой: «Дитё, как есть дитё». Жалко стало теперь молодого офицера Кутузову. Как же посылать такого птенца под пули?

— Не могу, не могу, — говорит. — Батюшке твоему другое обещано. Да и куда тебе в полк? Тебя-то, такого малого, и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так ведь и Суворов был не саженого роста.

Кутузов удивлённо поднял глаза. Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошёл фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов не договорил: стариковская слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой, наконец, Кутузов. — Лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Пётр Никодимович!

Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в г-рях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову.

«При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

Михаил Илларионович Кутузов.

С гравюры В. ФАВОРСКОГО

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Рис. В. ЛОСИНА

Есть под Москвой деревня Бородино. Весь мир знает эту деревню. Сто пятьдесят лет назад, на рассвете 7 сентября 1812 года, близ Бородина произошла знаменитая битва между наполеоновскими и русскими войсками.

Французский император Наполеон, покорив почти всю Европу, решил завоевать и Россию. Он двинул на наши войска невиданную по тем временам армию. Более полумиллиона солдат насчитывало войско чужеземных завоевателей.

И вот на холмистом поле, у маленькой, неизвестной деревни разыгралось сражение. Страшной была битва. Русские стояли насмерть, обороняя Москву. Наполеон потерял 57 тысяч солдат и 47 своих генералов.

После Бородинской битвы французы вошли в неё не как победители. Кутузов вывел их в южные районы, где готовилась к новым боям.

В начале войны Наполеон хвастался: «Если я займу Киев — я

я овладею Петербургом — я возьму, я поражу её в сердце».

Французские войска были в ловушке.

На освободительную борьбу поднялись — крестьяне и крестьянки

ицы заняли Москву, но они
Суровый полупустой город
Войск в Москве не было.
ны страны. Русская армия

астливо говорил своим мар-
возьму Россию за ноги; если

шали мосты, уничтожали обозы с про-
довольствием и оружием, брали в плен
французских солдат.

Ударил зима. Французы мёрзли и го-
лодали. Отступающая армия захватчи-
ков таяла под огнём наших войск.

Наполеон бросил остатки своей армии
и в простых санках бежал из нашей
страны.

Нет такой силы, чтобы сломить народ,
который встал на защиту родины.

у её за голову; заняв Моск-
ве, но Россию они не по-
нялся весь народ. Парти-
нападали на врага, разру-

Н. ВОРОНЕЛЬ

заборы все,

Может, взять их обмануть:
 Быстро-быстро повернуть?
 Только всё напрасно:
 Все деревья и кусты,
 Все заборы и мосты
 Побегут обратно.

**Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА**

